

Научная статья

УДК 343.352; 342.951

EDN MKYDIV

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(6).669-676

ДЕТЕРМИНАЦИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕЙ

Е.А. Антонян, М.М. Поляков

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

3 октября 2022 г.

Дата принятия в печать

15 декабря 2022 г.

Дата онлайн-размещения

20 декабря 2022 г.

Ключевые слова

Коррупция; коррупционная преступность; меры противодействия коррупции; причины коррупции; административно-правовые меры противодействия коррупции

Финансирование

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 075-01603-22-01 от 18 января 2022 г. FSMW-2020-0030 «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы»

Аннотация. В представленной статье акцентируется внимание на том, что коррупция и коррупционная преступность в настоящее время относятся к наиболее существенным угрозам государственной безопасности Российской Федерации. Противодействие коррупции стало ключевым направлением национальной внутренней политики. Меры антикоррупционного характера сегодня разработаны и внедрены в правоприменительную практику в достаточно высокой степени. Выстроен необходимый организационный механизм борьбы с коррупцией, в праве закреплены основные антикоррупционные институты. Поиск новых возможных вариантов и эффективных способов противодействия коррупции относится к числу приоритетных направлений в отечественной юриспруденции. Существование коррупции и коррупционной преступности детерминировано целым комплексом причин, присущих как всей преступности, так и только данному виду. Среди специфических факторов выделяются причины социально-экономического, политического, правового, организационно-управленческого и психологического (ментального) характера. Все указанные причины носят системообразующий комплексный характер. Позиция авторов основана на тезисе, согласно которому противодействие коррупции представляет собой сложный и длительный процесс, затрагивающий все публичные институты. Искоренить полностью все детерминанты коррупции невозможно, но вполне выполнимой задачей является минимизация влияния отдельных причин и условий, способствующих распространению коррупционной преступности в Российской Федерации. Важную роль в противодействии коррупции занимают меры административно-правового характера, связанные с применением и использованием особых антикоррупционных форм и методов, к которым можно отнести антикоррупционное планирование, антикоррупционное прогнозирование, анализ коррупционных рисков, антикоррупционный мониторинг, антикоррупционную экспертизу правовых актов и их проектов. Таким образом, противодействие коррупции в Российской Федерации осуществляется довольно системно и последовательно, а анализ причин и условий коррупции позволяет более эффективно бороться с коррупционной преступностью.

Original article

DETERMINANTS OF CORRUPTION CRIMES IN RUSSIA AND MEASURES OF COUNTERACTING THEM

Elena A. Antonyan, Maxim M. Polyakov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2022 October 3

Accepted

2022 December 15

Available online

2022 December 20

Abstract. The authors of the article stress that corruption and crimes of corruption are currently among the most serious threats to the state security of the Russian Federation. Corruption counteraction has become a key direction of national domestic policy. A considerable number of anti-corruption measures have been developed and implemented in the law enforcement practice. An organizational mechanism of fighting corruption has been built, and key anti-corruption institutes have been enshrined in law. A search for new possible means and effective ways of corruption counteraction is among the priority directions of Russian jurisprudence. The existence of corrup-

Keywords

Corruption; crimes of corruption; anti-corruption measures; causes of corruption; administrative and legal measures of counteracting corruption

Acknowledgements

The article was prepared within State Task No. 075-01603-22-01 dated 01/18/2022 FSMW-2020-0030 «Transformation of Russian Law in the Face of Great Challenges: Theoretical and Applied Foundations»

tion and corruption crimes is determined by a complex of causes characteristic of both crime in general, and this type of crime in particular. Specific factors include causes of socio-economic, political, legal, organizational-managerial and psychological (mental) nature. All these causes are of systemic complex character. The position of the authors is based on the thesis that corruption counteraction is a complicated and long process involving all public institutes. It is impossible to totally eliminate all determinants contributing to the spread of corruption crimes in the Russian Federation is quite a feasible task. An important role in counteracting corruption is played by administrative and legal measures connected with the use of special anti-corruption forms and methods, including anti-corruption planning, anti-corruption prediction, corruption risk analysis, anti-corruption monitoring, anti-corruption expertise of legal acts and their drafts. Thus, corruption counteraction in the Russian Federation is carried out in a systemic and consistent way, while the analysis of the causes and conditions of corruption makes it possible to counteract crimes of corruption more effectively.

Коррупция и коррупционная преступность в настоящее время относятся к наиболее существенным угрозам национальной безопасности Российской Федерации. Данное обстоятельство нашло свое закрепление в п. 45 Стратегии национальной безопасности: «...На фоне сохраняющихся в Российской Федерации социально-экономических проблем растет потребность общества в повышении эффективности государственного управления, обеспечении социальной справедливости, усилении борьбы с коррупцией и нецелевым использованием бюджетных средств и государственного имущества»¹.

В 2021 г. органами прокуратуры Российской Федерации было выявлено свыше 250 тыс. коррупционных правонарушений. Большая часть из них касалась фактов несоблюдения законодательства о государственной и муниципальной службе, установленных законом запретов и ограничений². По данным МВД России, в прошлом году было зарегистрировано более 35 тыс. преступлений коррупционной направленности. Основная часть коррупционных преступлений (18,5 тыс.) связана со взяточничеством³.

Опросы общественного мнения подтверждают, что уровень коррупции и коррупционной преступности остается достаточно высоким. Более половины россиян (53 %) считают в прин-

ципе невозможным искоренить коррупцию в стране⁴.

Тем не менее за последние годы органами публичной власти проделана без преувеличения огромная работа по противодействию коррупции во всех сферах жизни общества и государства. Противодействие коррупции стало ключевым направлением национальной внутренней государственной политики. Меры антикоррупционного характера сегодня разработаны и внедрены в правоприменительную практику в достаточно высокой степени. Выстроен необходимый организационный механизм борьбы с коррупцией, в праве закреплены основные антикоррупционные институты. Поиск новых возможных вариантов и эффективных способов противодействия коррупции относится к числу приоритетных направлений в отечественной юриспруденции.

Коррупция в ее широком понимании является одним из самых негативных социально-правовых явлений в современном мире. К примеру, в литературе отмечается, что «коррупция как общественное (социальное) явление выражается в использовании работниками государственных органов служебного положения в целях получения неправомерных личных выгод материального или имущественного характера» [1, с. 104]. А.Ф. Ноздрачев определяет ее как «явление, поразившее публичный аппарат управления и выражающееся в разложении власти, умышленном использовании государственными и муниципальными служащими, иными лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, своего служебного положения, статуса и авторитета занимае-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <https://base.garant.ru/401425792>.

² Ежегодный доклад Генерального прокурора Совету Федерации за 2021 год. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=73338775>.

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2021 года. URL: <https://мвд.пф/reports/item/28021552>.

⁴ Перспективы борьбы с коррупцией в России // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14186>.

мой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [2]. Ж. Марку так описывает существо коррупции: «Коррупция является одновременно экономическим и моральным феноменом, который ставит личный, эгоистический интерес выше всех других интересов, что создает опасность для общества и государства» [3, с. 34]. С.Н. Шишкарев в своей работе обозначил, что «коррупция является следствием политической нестабильности, экономического упадка, деградации морали, ослабления системы социального контроля» [4, с. 4]. Некоторые зарубежные авторы также указывают, что «коррупция связана с серьезными дисфункциями в государстве: искажением инвестиционных решений, преступностью, насилием и политической нестабильностью» [5].

Появлению и существованию преступности в целом и отдельных ее видов способствует целый комплекс причин (можно даже говорить об их системе ввиду их взаимосвязанности и взаимообусловленности). Коррупционная преступность детерминируется большим числом факторов, которые являются как общими для всей преступности, так и специальными. Среди специфических факторов выделяются факторы социально-экономического, политического, правового, организационно-управленческого и психологического (ментального) характера. Далее более удобным будет рассмотреть эти факторы по перечисленным группам.

Среди *социально-экономических* детерминантов коррупционной преступности выделяют остающуюся значительной долей теневой экономики; криминализацию экономических процессов в государстве; диспропорции в социально-экономическом развитии отдельных субъектов Российской Федерации; отток квалифицированных специалистов из различных областей экономической сферы. К социально-экономическим причинам также можно отнести так называемую бюрократическую коррупцию, связанную, как пишут зарубежные исследователи, с незаконным взаимодействием между бюрократами и менеджерами фирм [6]. Сходная ситуация, получившая название «политическая коррупция», наблюдалась и в Италии, где, по мнению Д. Делла Порты, главными действующими лицами стали бизнес-политики, приватизировавшие государственную власть [7]. На наш взгляд, одной из основных причин преступности в целом и коррупционной преступности в частности является также существенный разрыв

между бедными и богатыми, несовпадение или отсутствие национальной идеи (хотя, судя по всему, в настоящее время мы являемся свидетелями зарождения такой идеи).

Политические факторы также вносят свою лепту в процессы зарождения и существования в стране коррупционной преступности. Среди них в первую очередь хотелось бы обратить внимание на отмечаемую в литературе фактическую невозможность реализовать на практике требования ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации⁵ о равенстве всех перед законом и судом. Данная проблема заключается в обладании значительным кругом граждан России юридической или «фактической защищенностью (правовым или противоправным иммунитетом) от уголовного, административного или иного правового преследования в случае совершения ими тех или иных правонарушений, и особенно правонарушений в имущественной сфере, в частности — правонарушений коррупционной направленности» [8, с. 162–163].

Причины *правового* свойства связаны с современным состоянием российского законодательства. Прежде всего речь идет об уголовном и административном регулировании, которое в большей степени связано с коррупционными проявлениями ввиду публичного характера соответствующих отраслей права.

К числу *организационно-управленческих* причин преступлений коррупционной направленности в литературе относят нарушение дисциплины; просчеты в подборе и расстановке кадров (прием на службу лиц с сомнительной репутацией, по признаку семейственности и т.п.); недостатки учета и контроля воспитательной работы; пробелы в профессиональной подготовке сотрудников контролирующих, надзирающих и правоохранительных служб, отсутствие у них надлежащих полномочий [там же, с. 189–190].

Психологические (они же ментальные) факторы, определяющие коррупционную преступность, связаны с сознанием как конкретного человека, так и с так называемым общественным, коллективным сознанием. Ярким примером проявления последнего служит все возрастающий правовой нигилизм, особенно неисполнение законов должностными лицами тех органов, на которые возложено осуществление контроля за соблюдением требований законодательства.

⁵ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Российская газета. 1993. № 237.

Помимо рассмотренных групп причин коррупционных преступлений А. Наумов выделяет также *исторические* и *географические* факторы. Так, по его мнению, «в «старых» государствах коррупционные механизмы отлажены многолетней практикой. <...> С другой стороны, в «молодых» государствах широкомасштабная приватизация и неразвитость государственных механизмов предоставляют почти безграничные возможности для коррупции. <...> Роль географических факторов (в сочетании с фактором централизации власти) может наглядно проиллюстрировать та же Римская империя. Огромные размеры страны неизбежно влекут за собой трудности в управлении и контроле над деятельностью чиновников на местах» [9].

Это далеко не полный список факторов, определяющих совершение каждого конкретного преступления коррупционной направленности и, как следствие, существование их совокупности в целом. Как указывают зарубежные исследователи, снижение уровня коррупции остается относительно редким явлением, что отражает широко распространенный и весьма устойчивый характер коррупции во многих странах [10].

Авторы на основе анализа целого ряда научных публикаций к числу наиболее распространенных причин коррупции в сфере государственного управления относят низкий уровень оплаты служебной деятельности; слабый кадровый потенциал органов государственной власти; недостаточный уровень правовой культуры должностных лиц, их склонность к коррупционному поведению; наличие клановости или семейственности в системе государственной службы; отсутствие надлежащего административного контроля и надзора за деятельностью должностных лиц со стороны их руководства, а также правоохранительных органов и ряд других [11, с. 2297].

Коррупция, особенно в самых опасных ее проявлениях в виде преступлений коррупционной направленности, представляет собой серьезную проблему для любого общества. Этот факт обуславливает включение вопросов противостояния данному явлению в орбиту нормативного правового регулирования. О значимости проблемы свидетельствует и то, что подобное регулирование осуществляется не только на национальном, но и на международном уровне. Примером тому служат минимум два документа, непосредственно посвященных противодействию коррупции: Конвенция Сове-

та Европы об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.); Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.).

В России правовую основу деятельности по противодействию коррупционной преступности составляют ФЗ «О противодействии коррупции», содержащие корреспондирующие ему положения иные федеральные законы в области антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, государственной гражданской и муниципальной службы, а также принимаемые на основании и во исполнение указанного закона подзаконные акты, в частности национальные планы противодействия коррупции, утверждаемые указами президента.

С учетом трактовки понятия противодействия коррупции, приведенной законодателем в п. 2 ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции», можно дать следующее определение противодействия коррупционной преступности: это деятельность органов публичной власти, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

а) по предупреждению коррупционных преступлений, в том числе по выявлению и последующему устранению их причин (профилактика коррупционной преступности);

б) по выявлению, пресечению, расследованию и раскрытию коррупционных преступлений (борьба с коррупционной преступностью);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных преступлений.

Рациональным представляется рассмотрение конкретных мер всего комплекса противодействия коррупции по трем вышеуказанным составляющим.

Применение мер по **предупреждению** коррупции является одним из основных принципов противодействия ей, согласно ст. 3 ФЗ «О противодействии коррупции». Такой подход законодателя логически объясним: проще пресекать коррупцию, особенно наиболее опасные ее проявления в виде преступлений, в зародыше, чем терпеть неблагоприятные ее последствия в виде прямого материального ущерба, затрат на финансирование деятельности уполномоченных органов по борьбе с ней и пытаться минимизировать эти самые последствия.

Подтверждением важности этой составляющей деятельности по противодействию кор-

рупции является отведение в законе мерам профилактики целой отдельной статьи — ст. 6, называющей в качестве таковых следующие:

- формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;
- антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов;
- развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства о противодействии коррупции и др.

В дополнение и развитие вышеуказанного в литературе предлагаются и иные меры профилактики коррупционной преступности, причем в зависимости от причин, на которые они воздействуют, достаточно обоснованно они подразделяются на политико-правовые, организационные, воспитательные.

Среди *политико-правовых* мер хотелось бы обратить внимание на повышение эффективности механизма правового регулирования с использованием средств уголовного и административного права. Стоит отметить, что отдельными зарубежными учеными сделан вывод о том, что сравнительно малое количество стран в мире добилось по-настоящему серьезных успехов в реализации антикоррупционной политики. Многие должностные лица в этих странах сознательно идут на искажение данных об общей ситуации, связанной с высоким уровнем коррупции в публичном управлении [12]. С учетом того что коррупция — это глобальное явление, последствия коррупции в публичном управлении имеют дополнительный отложенный негативный эффект для любого государства [13].

Меры *организационного* характера предполагают, в частности, расширение возможностей общественного контроля за деятельностью органов публичной власти, а также создание в этих органах независимых структур коллегиального типа с полномочиями по решению кадровых и дисциплинарных вопросов. Возможно, базой подобных структур могут стать создаваемые на основе ФЗ «О противодействии коррупции» комиссии по урегулированию конфликта интересов, которые, однако, имеют ситуативный характер (*ad hoc*) — формируются для рассмотрения одной конкретной ситуации. Однако целесообразнее было бы подобного рода структуры развивать как постоянно действующие.

Роль *воспитательных* мер должно сыграть формирование в глазах общества привлекательного образа государства и госслужащих;

воспитание нулевой терпимости к коррупции путем усиления в СМИ и сети Интернет квалифицированной пропаганды вреда данного явления, особенно среди детей (начиная с младшего школьного возраста) и подростков; создание и широкое демонстрирование (распространение) произведений литературы, искусства, кино, театра, музыки, в которых отражалась бы общественная опасность коррупционных проявлений [8].

В случае если предпринятые профилактические меры не сработали и преступление коррупционной направленности все-таки было совершено, запускается механизм второй составляющей противодействия — **борьбы** с коррупционной преступностью, представляющей собой систему последовательных взаимосвязанных действий по выявлению, пресечению, расследованию и раскрытию таких правонарушений. Наиболее сложное в указанном — это, естественно, выявление соответствующих преступлений, степень латентности которых не такая уж и низкая. Одной из мер, направленных на вскрытие возможной незаконности тех или иных доходов должностных лиц, является предусмотренное ст. 8 и 8.1 ФЗ «О противодействии коррупции» обязательное представление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, причем не только своих, но и супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Однако, думается, подобное декларирование не позволяет своевременно устанавливать и оперативно реагировать на факты коррупционного поведения, так как указанные сведения представляются однократно за определенный период (как правило, год), тогда как соответствующие факты могли иметь место в самом начале этого периода. Важно отметить, что декларирование доходов и расходов относится к мерам противодействия коррупции не только в публичном, но и частном секторе экономики, что отмечают многие зарубежные авторы [14; 15].

В связи с этим в качестве меры, которая позволила бы облегчить деятельность правоохранительных органов по выявлению коррупционных преступлений, можно использовать механизм обязательного контроля в отношении операций с денежными средствами, осуществляемыми государственными или муниципальными служащими, руководителями коммерческих или иных организаций.

Данная мера предусмотрена федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁶. Согласно положениям ст. 6 данного закона, операция с денежными средствами или иным имуществом подлежит обязательному контролю, если сумма, на которую она совершается, равна или превышает 600 тыс. р. либо равна сумме в иностранной валюте, эквивалентной 600 тыс. р., или превышает ее (ч. 1), а по сделкам с недвижимым имуществом сумма операции ограничена 3 млн р. (ч. 1.1). Кроме того, операция с денежными средствами или иным имуществом подлежит обязательному контролю в случае, если хотя бы одной из сторон является организация или физическое лицо, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

Понятно, что остается и продолжит широко применяться практика дачи взяток либо сумм коммерческого подкупа в виде наличных денежных средств, но, тем не менее, использование банковских счетов и привязанных к ним платежных карт в настоящее время растет. Однако установленное законом ограничение суммы операции в 600 тыс. р. (3 млн р. для сделок с недвижимостью) выводит из сферы обязательного контроля огромную долю более мелких сумм тех же взяток. По данным Генеральной прокуратуры, в 2021 г. в каждом третьем случае размер взятки не превышал 10 тыс. р.⁷ На международном уровне взяточничество также относится к числу наиболее распространенных коррупционных преступлений и встречается в максимально подверженных коррупционным рискам областях публичного управления [16, 17].

С учетом вышесказанного следовало бы подумать над применением механизма обязательного контроля в отношении операций с денежными средствами или иным имуществом в случае, если хотя бы одной из сторон является государственный или муниципальный служащий либо же лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной

организации, независимо от суммы таких операций. Конечно, подобная инициатива требует серьезной проработки, особенно в плане определения технической возможности проведения кредитными организациями подобного рода контроля.

Теперь что касается последней составляющей противодействия коррупционной преступности — *минимизации или ликвидации ее последствий*. Как уже отмечалось, такие последствия выражаются в размере нанесенного материального ущерба. Согласно сведениям Генеральной прокуратуры о возмещении ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направленности, в 2021 г. из почти 64 млрд р. путем добровольного погашения или же принудительного изъятия имущества, денег, ценностей возмещено лишь 34,2 % (21 865 250 000 р.)⁸. Этот показатель значительно выше тех, что были достигнуты в 2019 и 2020 гг. (10,1 и 13,9 % соответственно⁹). Однако даже такие цифры, мягко говоря, «не тянут» на то, чтобы назвать их хотя бы минимизацией негативных последствий коррупционной преступности.

Противодействие коррупции — это непрерывный процесс, который требует не только качественного и эффективного исполнения текущих антикоррупционных мер, но и их дальнейшего тщательного совершенствования. В связи с этим представляется, что основной мерой на данном направлении противодействия наиболее опасному проявлению коррупции должна стать активизация деятельности по погашению как можно большей части материального ущерба. На полное добровольное возмещение лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, вряд ли стоит надеяться, поэтому наиболее эффективным будет наращивание практики принудительного изъятия (конфискации) денежных средств, предметов роскоши, иных ценностей или любого другого имущества, приобретенного за счет противоправных действий коррупционеров. Некоторыми авторами предлагается вернуть конфискацию в качестве одного из видов наказания, однако, думается, этот институт вполне может раскрыть свой именно компенсаторный (а не карательный) потенциал и в качестве иной меры уголовно-правового характера.

⁶ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33, ч. 1. Ст. 3418.

⁷ Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России за январь — декабрь 2021 года. С. 7.

⁸ Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России за январь — декабрь 2021 года. С. 27.

⁹ Там же.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тогонидзе Н.В. Административно-правовые проблемы предупреждения коррупционной и организованной преступности / Н.В. Тогонидзе // Государство и право. — 2002. — № 1. — С. 103–116.
2. Ноздрачев А.Ф. Коррупция как правовая проблема в вопросах и ответах / А.Ф. Ноздрачев. — EDN RUSUCH // Адвокат. — 2007. — № 10. — С. 34–49.
3. Марку Ж. Борьба против коррупции во Франции / Ж. Марку. — EDN PCXLOT // Журнал российского права. — 2012. — № 7. — С. 34–40.
4. Шишкарёв С.Н. Правовой порядок в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.Н. Шишкарёв. — Москва, 2010. — 53 с.
5. Talvitie A. Observed Differences in Corruption between Asia and Africa: The Industrial Organization of Corruption and Its Cure / A. Talvitie // Transportation Research Procedia. — 2017. — Vol. 25. — P. 4472–4490.
6. Jiménez A. E-procurement and firm corruption to secure public contracts: The moderating role of governance institutions and supranational support / A. Jiménez, Ju. Hanoteau, R. Barkemeyer. — DOI 10.1016/j.jbusres.2022.05.070 // Journal of Business Research. — 2022. — Vol. 149. — P. 640–650.
7. Делла Порта Д. Действующие лица коррупции: бизнес-политики в Италии / Д. Делла Порта // Государственная служба. — 2003. — № 6. — С. 129–137.
8. Антонян Ю.М. Криминология : учебник / Ю.М. Антонян. — Москва : Юрайт, 2020. — 388 с.
9. Наумов А. Коррупция: причины возникновения, влияние и методы борьбы / А. Наумов. — EDN UIQAHX // Мировое и национальное хозяйство. — 2009. — № 1. — С. 109–127.
10. Dorian P.O. State history and corruption / O.P. Dorian, V.Vu. Trung. — DOI 10.1016/j.econlet.2022.110774 // Economics Letters. — 2022. — Vol. 218, № 9.
11. Antonyan E.A. Administrative and legal forms and methods of combating corruption in the field of public administration of the transport complex / E.A. Antonyan, M.M. Polyakov // Transportation Research Procedia. — 2022. — Vol. 63. — P. 2295–2300.
12. Boly A. Anti-corruption policy making, discretionary power and institutional quality: An experimental analysis / A. Boly, R. Gillanders. — DOI 10.1016/j.jebo.2018.05.007 // Journal of Economic Behavior & Organization. — 2018. — Vol. 152, № 8. — P. 314–327.
13. Pasculli L. Corruption and globalisation: Towards an interdisciplinary scientific understanding of corruption as a global crime / L. Pasculli, N. Ryder // Corruption in the Global Era: Causes, Sources and Forms of Manifestation. — 2019. — P. 3–23.
14. Hodgson G.M. The economics of corruption and the corruption of economics: An institutionalist perspective / G.M. Hodgson, S. Jiang // Journal of Economic Issues. — 2007. — Vol. 41, № 4. — P. 1043–1061.
15. The New institutional economics of corruption / ed. J.G. Lambsdorff, M. Taube, M. Schramm. — London : Routledge, 2005. — 272 p.
16. Lapalombara J. Structural and institutional aspects of corruption / J. Lapalombara // Social Research. — 1994. — Vol. 61, № 2. — P. 325–350.
17. Su S. Corruption in social relations: Bribe-taking, corruptibility and corruption risks / S. Su, X. Ni. — DOI 10.1111/padm.12795 // Public Administration. — 2021.

REFERENCES

1. Togonidze N.V. Administrative and Legal Problems of Preventing Corruption and Organized Crime. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2002, no. 1, pp. 103–116. (In Russian).
2. Nozdachev A.F. Corruption as a Legal Problem in Questions and Answers. *Advokat = Lawyer*, 2007, no. 10, pp. 34–49. (In Russian). EDN: RUSUCH.
3. Marku Zh. Corruption Counteraction in France. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2012, no. 7, pp. 34–40. (In Russian). EDN: PCXLOT.
4. Shishkarev S.N. *Legal order in corruption counteraction: a theoretical legal study. Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2010. 53 p.
5. Talvitie A. Observed Differences in Corruption between Asia and Africa: The Industrial Organization of Corruption and Its Cure. *Transportation Research Procedia*, 2017, vol. 25, pp. 4472–4490.
6. Alfredo J., Hanoteau Ju., Barkemeyer R. E-procurement and firm corruption to secure public contracts: The moderating role of governance institutions and supranational support. *Journal of Business Research*, 2022, vol. 149, pp. 640–650. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.05.070.
7. Della Porta D. Actors of Corruption: Business-politicians in Italy. *Gosudarstvennaya sluzhba = Civil Service*, 2003, no. 6, pp. 129–137. (In Russian).
8. Antonyan Yu.M. *Criminology*. Moscow, Yurait Publ., 2020. 388 p.
9. Naumov A. Corruption: Causes of Emergence, Impact and Methods of Counteraction. *Mirovoe i natsional'noe khozyaistvo = World and National Economy*, 2009, no. 1, pp. 109–127. (In Russian). EDN: UIQAHX.
10. Dorian P.Ow., Trung V.Vu. State History and Corruption. *Economics Letters*, 2022, vol. 218, no. 9. DOI: 10.1016/j.econlet.2022.110774.
11. Antonyan E.A., Polyakov M.M. Administrative and Legal Forms and Methods of Combating Corruption in the Field of Public Administration of the Transport Complex. *Transportation Research Procedia*, 2022, vol. 63, pp. 2295–2300.
12. Boly A., Gillander R. Anti-corruption Policy Making, Discretionary Power and Institutional Quality: An Experimental Analysis. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2018, vol. 152, no. 8, pp. 314–327. DOI: 10.1016/j.jebo.2018.05.007.
13. Pasculli L., Ryder N. Corruption and Globalisation: Towards an Interdisciplinary Scientific Understanding of Corruption as a Global Crime. *Corruption in the Global Era: Causes, Sources and Forms of Manifestation*, 2019, pp. 3–23.
14. Hodgson G. M., Jiang S. The Economics of Corruption and the Corruption of Economics: An Institutional Perspective. *Journal of Economic Issues*, 2007, vol. 41, no. 4, pp. 1043–1061.

15. Lambsdorff J.G., Taube M., Schramm M. (eds.). *The New Institutional Economics of Corruption*. London, Routledge, 2005. 272 p.
16. Lapalombara J. Structural and Institutional Aspects of Corruption. *Social Research*, 1994, vol. 61, no. 2, pp. 325–350.
17. Su S., Ni X. Corruption in Social Relations: Bribe-taking, Corruptibility and Corruption Risks. *Public Administration*, 2021. DOI: 10.1111/padm.12795.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонян Елена Александровна — заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: EAANTONYAN@msal.ru.

Поляков Максим Михайлович — доцент кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: MMPOLYAKOV@msal.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антонян Е.А. Детерминация коррупционной преступности в России и меры противодействия ей / Е.А. Антонян, М.М. Поляков. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(6).669-676. — EDN MKYDIV // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 6. — С. 669–676.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonyan, Elena A. — Head, Chair of Criminology and Penitentiary Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: EAANTONYAN@msal.ru.

Polyakov, Maxim M. — Ass. Professor, Chair of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Ph.D. in Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: MMPOLYAKOV@msal.ru.

FOR CITATION

Antonyan E.A., Polyakov M.M. Determinants of Corruption Crimes in Russia and Measures of Counteracting Them. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 6, pp. 669–676. (In Russian). EDN: MKYDIV. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(6).669-676.